

На правах рукописи

ФАЙЕР Владимир Владимирович

МЕТРИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ
АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ТЕКСТОЛОГИИ
ГОМЕРОВСКОГО ГЕКЗАМЕТРА

Специальность 10.02.14 — классическая филология,
византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2008

Работа выполнена на Кафедре классической филологии
Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова

Научный руководитель: доктор филологических наук
Россиус Андрей Александрович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Гринцер Николай Павлович,
Российский государственный гуманитарный
университет

кандидат филологических наук
Ермолаева Елена Леонидовна,
Санкт-Петербургский государственный
университет

Ведущая организация: Институт лингвистических исследований
Российской академии наук

Защита состоится «28» октября 2008 года в 14 часов на заседании
диссертационного совета Д 501.001.82 при Московском государственном
университете им. М.В.Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы,
МГУ, 1 учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государст-
венного университета.

Автореферат разослан «25» сентября 2008 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

О.М.Савельева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа посвящена двум взаимосвязанным проблемам, которые относятся к двум исключительно важным для древнегреческой литературы эпохам. Во-первых, ставится вопрос о том, какими критериями руководствовались в своей деятельности филологи, работавшие в александрийской библиотеке в III—II вв. до Р.Х. и каковы были принципы их текстологической практики. Несмотря на достаточно большой и постоянно увеличивающийся объем фактов, современной науке пока не удалось во всех деталях реконструировать эту практику. Данное исследование посвящено метрическому критерию в деятельности Зенодота Эфесского, Аристофана Византийского и Аристарха Самофракийского. Чтобы выяснить, существовал ли этот критерий и, если существовал, какова была его роль, необходимо проанализировать метрико-просодическую структуру гекзаметра «Илиады» и «Одиссеи», которая в некоторых отношениях недостаточно подробно описана как отечественными, так и зарубежными исследователями. Таким образом, художественное своеобразие гомеровского эпоса — вторая проблема, которую затрагивает данная работа.

О деятельности александрийских филологов мы узнаем прежде всего из схолиев, сохранившихся на полях средневековых рукописей гомеровских поэм. Известно, что комментарии Зенодота, Аристофана и Аристарха прошли через ряд посредствующих источников и подверглись сокращению, дополнению и искажению. В результате, мы имеем дело со множеством разрозненных, кратких и часто взаимнопротиворечивых указаний, в которых нелегко выявить систему. Этот поиск тем более сложен, что александрийцы при выборе «правильных» чтений несомненно пользовались рядом критериев, и, очевидно, не всегда одними и теми же. Прояснение вопроса, были ли среди этих критериев метрические, и, если были, то какие именно, и является основной **целью** настоящего исследования. Для ее достижения в работе были рассмотрены метрически значимые разночтения, приписываемые традицией Зенодоту, Аристофану и Аристарху; при этом было необходимо отвлечься от

изучения остальных — несомненных или возможных — критериев, по которым эти чтения могли быть выбраны каждым из филологов. Многофакторное рассмотрение вариантов неминуемо увело бы от решения проблемы, так как почти для каждого отдельного чтения можно выдвинуть ряд предположительных критериев, по которым оно было выбрано. Такой подход сделал бы невозможной даже первичную систематизацию материала, так что многие частные вопросы остались бы в принципе нерешаемыми. Вместо этого был выдвинут другой принцип: если данная метрико-просодическая особенность действительно представлялась александрийцам предпочтительной, то мы увидим ее в заметном большинстве сохранившихся чтений. Только после всестороннего обсуждения материала с этой точки зрения можно переходить к многофакторному анализу, который, однако, выходит за рамки данной работы.

Кроме опоры исключительно на метрический критерий, методология исследования основана на еще одном важном принципе: опоре на чтения гомеровской вульгаты, понимаемой как совокупность отдельных вариантов, имеющих в большинстве сохранившихся рукописей. В каждом конкретном случае чтение александрийских филологов сравнивается в реферируемой работе с вульгатой. Этот принцип возможен потому, что в большинстве случаев вульгата расходится с Аристофаном и Аристархом (и, тем более, с Зенодотом), а необходим потому, что четкий критерий выбора сравнительного материала необходим для корректности исследования.

Допустим, например, что Зенодот в некотором случае предлагает чтение с элизией, которой нет в вульгате. Этот случай может доказывать, что филолог предпочитает варианты с элизией, но на самом деле в доступных ему рукописях могло быть неизвестное нам чтение с двумя элизиями; в таком случае правка Зенодота приобретает совершенно противоположный смысл. В каждом конкретном случае нельзя исключать, что существовал такой неизвестный нам вариант, но наша вульгата в целом, очевидно, достаточно близка к тем рукописям, которыми располагали александрийцы.

Методологически важно, что при атрибуции использовались только эксплицитные указания схолиев. Исследователи приписывают александрийским филологам целый ряд анонимных чтений, упоминаемых в схолиях, но в нашем случае эти сомнительные варианты следует исключать из рассмотрения. Только получив результаты исследования, целесообразно предлагать собственную атрибуцию анонимных вариантов или подвергать сомнению данные схолиев. Иначе возникает опасность порочного круга в рассуждениях.

При анализе чтения разделялись на группы по объему: «малые» (не превышающие одного слова), «большие» (не превышающие строки) и «вертикальные» (влияющие на количество строк в тексте). Из общих соображений естественно ожидать, что подход античных филологов к чтениям различных групп будет отличаться. В «малых» чтениях можно ожидать большего внимания к деталям метрического свойства, а в «вертикальных», наоборот, отвлечения от этих деталей. Справедливость этого предположения, как показано в работе, полностью подтверждается материалом.

Итак, для ответа на главный вопрос, задаваемый в работе, с применением избранной методологии требовалось решить ряд конкретных *задач*. Во-первых, по аппарату научных изданий «Илиады» и «Одиссеи» необходимо было выявить все метрически значимые разночтения в рукописях и схолиях гомеровских поэм. Во-вторых, принадлежащие Зенодоту, Аристофану и Аристарху метрически значимые варианты нужно было проанализировать по группам в зависимости от типа метрической особенности, объема («малые» и «большие») и соотношения с вульгатой. В-третьих, каждая метрическая особенность должна была получить описание, разъясняющее насколько часто, при каких обстоятельствах и как именно она встречается в текстах гомеровских поэм и позднейшей гекзаметрической традиции. В-четвертых, это описание необходимо было сопроводить терминологическим анализом материала, сообщаемого схолиями. При решении двух последних задач выявилась неполнота имеющихся исследований метрико-просодической специфики

гомеровского гекзаметра и терминологии античных источников. Что же касается первой и второй задач, то сбор и классификация этого материала прежде никем не проделывались, а данные ряда новонайденных папирусов впервые стали предметом специального метрического анализа. Этими факторами, а также оригинальностью примененной в исследовании методологии обусловлена научная новизна реферируемой работы.

Кроме того, данные о метрических закономерностях в греческом гекзаметре (частотности элизий, «отступлениях» от правил цезур и т.п.) были получены с помощью специально созданной компьютерной программы автоматического распознавания гекзаметра¹. Убедиться в надежности работы этой программы и, следовательно, достоверности результатов удалось на финальном этапе работы благодаря появлению справочника, содержащего метрические схемы всех стихов Гомера². Следует отметить, что данные, собранные программой, уточнили существующие подсчеты, а в ряде случаев позволили изучить и обобщить метрико-просодический материал впервые.

В отечественной литературе отсутствуют монографии, специально посвященные принципам работы александрийских филологов. Данные о метрике гомеровского гекзаметра в немногочисленных имеющихся публикациях на русском языке нуждаются в конкретизации и уточнении. Немаловажно, что гомероведение в последние десятилетия приобрело новый импульс к развитию в связи с новыми находками папирусных фрагментов, влиянием «устной теории» М.Пэрри—А.Лорда и достижениями микенологии. Новейшие статьи и монографии, а также материал последних изданий «Илиады» и «Одиссеи» учитываются в реферируемой работе, чем и определяется ее актуальность и практическая ценность. Кроме того, приведенные в работе данные о колометрии гомеровского гекзаметра с учетом

¹ При создании этой программы неоценимую помощь оказал к.филол.н. Артемий Александрович Котов, которому автор этих строк приносит глубокую благодарность.

² Dee J. H., Repertorium Homericae poesis Hexametricum: a repertory of the Hexameter Patterns in the Iliad a. the Odyssey. Vol. 1—2. Hildesheim, 2004.

распределения элизий могут непосредственно использоваться студентами при чтении древнегреческих авторов, а анализ методологии александрийских филологов позволит исправить и дополнить университетские курсы по античной литературе, истории филологии и истории лингвистических учений. Действительно, Зенодота, Аристофана и Аристарха можно без преувеличения назвать родоначальниками европейской филологии как науки, и принципы работы этих выдающихся античных ученых достойны гораздо большего внимания, чем им обычно уделяется в высших учебных заведениях из-за нехватки современной и доступной литературы.

Первым этапом апробации работы стал доклад, прочитанный в 1999 г. на конференции «Индоевропейское языкознание и классическая филология III», проводившейся Институтом лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). Далее обсуждение отдельных частей исследования проводилось на том же ежегодном форуме в 2000, 2001, 2002, 2003, 2004 и 2005 гг., а также на конференциях «Лосевские чтения» (Москва, МГУ, 1999 г.) и «Балканские чтения» (Москва, Институт славяноведения РАН, 2001 г.). Подробный доклад о работе в целом был сделан на заседании семинара «Современные проблемы антиковедения» (Москва, РГГУ, 2007 г.). Содержание диссертационной работы отражено в пятнадцати публикациях.

Структура диссертации такова: введение, четыре главы, заключение и список использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** после обоснования актуальности избранной темы излагается цель и методология исследования, раскрытые выше. Там же даются отдельные терминологические уточнения, существенные для дальнейшего изложения. Так, используемый в работе термин «вольность» не предполагает ни оценочного подхода к тексту Гомера, ни представления о том, что редкие метрико-просодические формы в устном импровизируемом эпосе представляют собой

«отступление от правил». При этом понятие «вольность» в ходе исследования постепенно наполняется содержанием, проясняется, какие метрические особенности александрийцы считали допустимыми.

Обзор литературы о деятельности александрийских филологов составляет содержание *Главы I*. Он разделен на две части; первая — меньшая по объему — посвящена общепризнанным фактам о практике Зенодота, Аристофана и Аристарха. Не вызывает сомнения, что Зенодоту принадлежит заслуга изобретения знака атетезы (ὀβελός), которым помечались сомнительные строки, тогда как неподлинные с его точки зрения стихи филолог удалял. Аристофан вводит еще несколько критических знаков, которые ставились возле строки на полях и отсылали к комментарию. Он же, вероятно, изобрел знаки для ударений и разделил на колоны произведения лирической поэзии. Аристарх часто полемизирует с Зенодотом (для чего изобретает специальный критический знак). Он стремится более осторожно, чем первый хранитель александрийской библиотеки, обращаться с текстом поэм и «объяснять Гомера из Гомера».

Александрийские филологи пользовались рукописями различного качества (по их собственной оценке) и места происхождения (Крит, Кипр, Эолида, Арголида и т.п.). Эти рукописи, судя по всему, были созданы в различных орфографических системах; так, в П.7.238, отталкиваясь от написания ΒΟΝ, Аристофан читает βοῦν, а Аристарх βῶν.

Результаты деятельности александрийцев двойственны. С одной стороны, бóльшая часть их чтений не попадает в нашу вульгату, с другой стороны, примерно к концу деятельности Аристарха египетские папирусные фрагменты Гомера претерпевают унификацию, демонстрируя примерно тот же текст, что и средневековая традиция. В отношении «вертикальных» чтений (но не «больших» и не «малых») этот текст совпадает с предложениями Аристарха³.

³ Arthorp M. J. The Manuscript Evidence for Interpolation in Homer. Heidelberg, 1980. P. XIX.

Источники александрийцев также представляют собой проблему; ее обсуждением открывается второй раздел главы, посвященный дискуссионным вопросам обсуждаемой темы. Со времен Ф.А.Вольфа считалось, что поэмы Гомера впервые были приведены в порядок и записаны в Афинах VI в. Однако затем появились аргументированные сомнения в аутентичности этого сообщения, принадлежащего Цицерону и ряду более поздних авторов⁴. Так, Р.Пфейффер предполагает, что здесь мы имеем дело с эллинистической легендой, экстраполирующей практику Птолемея на эпоху Писистратидов⁵.

Данный вопрос остается спорным, как и связанная с ним проблема: была ли фиксация гомеровских поэм одномоментной или постепенной. Придерживаясь противоположных мнений по этому поводу, и М.Уэст, и Г.Надь основываются на устной теории М.Пэрри и А.Лорда⁶. Таким образом, нет ясности в важном для реферируемой работы пункте: могли ли Афины оказать решающее влияние на всю нашу рукописную традицию и каковы были доступные александрийцам источники.

Вопрос о принципах работы Зенодота также вызывает разногласия. Ряд его чтений производят впечатление иррациональных, другие выглядят как конъектуры, вызванные желанием удалить повтор, непоследовательность или «непристойность»⁷. Однако настоящие резоны Зенодота нам неизвестны: многие его чтения приведены в схолиях неполностью, его комментарии не

⁴ Cic. De oratore III, 34 et 137; Paus. VII, 26, 6; Elian. VH XIII, 14; Liban. Decl. I, 1, 73.

⁵ Wolf F.A. Prolegomena ad Homerum. Halis Saxonum, 1859. P. 85. Pfeiffer R. History of Classical Scholarship from the Beginnings to the End of the Hellenistic Age. Oxford 1968. P. 6—8.

⁶ Nagy G. [Рецензия на:] Martin L. West (ed.), Homeri Ilias. Recensuit / testimonia congressit. Volumen prius, rhapsodias I—XII continens. Stuttgart and Leipzig, 1998. // Bryn Mawr Classical Review, 2000.09.12. — <<http://ccat.sas.upenn.edu/bmcr/2000/2000-09-12.html>>

⁷ Lehrs K. De Aristarchi studiis homericis. Regimontii Prussorum. 1833. P. 374. Janko R. Introduction // The Iliad: A Commentary, General Editor G.S.Kirk. Vol. IV. Cambridge, 1985. P. 24.

цитируются, и, видимо, они были неизвестны уже Аристарху. К последнему, очевидно, восходят многочисленные критические характеристики вариантов Зенодота, влияющие и на мнение ученых Нового времени. Между тем, в отдельных случаях удастся показать, что чтения Зенодота восходят к доалександрийской традиции. Кроме того, тот факт, что он гораздо чаще пользуется атетезой и только изредка удаляет какие-либо стихи, свидетельствует об осторожности филолога, а сохранившиеся стихотворения — о владении поэтической техникой. По всем этим причинам метрически трудные варианты Зенодота едва ли возможно объяснить его некомпетентностью⁸. Итак, как пишет С.Уэст, «современные ученые сильно расходятся в оценке работы Зенодота. Некоторые считают его осторожным и консервативным, другие — безответственным и эксцентричным»⁹.

Много вопросов связано и с деятельностью Аристарха. Из схолиев можно сделать вывод, что аристарховых изданий Гомера было по крайней мере два (в отличие от изданий предшественников): αἱ Ἀριστάρχου καὶ ἡ Ζηνοδότου καὶ ἡ Ἀριστοφάνους [ἐκδόσεις]. В ряде случаев сообщаются два взаимоисключающих чтения филолога (διχῶς αἱ Ἀριστάρχου), что трактуют как ссылку на оба издания. Это входит в противоречие с мнением Аммония, который написал специальное сочинение Περὶ τοῦ μὴ γεγονέναι πλείονας ἐκδόσεις τῆς Ἀρισταρχείου διορθώσεως, доказывая обратное. Опираясь на этот факт, Г.Эрбсе (вслед за Ф.А.Вольфом) сомневается, что под ἐκδόσεις следует понимать именно два издания филолога, а не просто совокупность «издаваемых» им комментариев, то есть то же, что и ὑπομνήματα¹⁰. Г. ван Тиль полагает, что «издание» как полный критически установленный текст «не мог

⁸ Duentzer H. De Zenodoti studiis Homericis. Goettingen 1848. P. 17—18, 36—37. Pfeiffer R. Op. cit. P. 114. Nickau K. Zenodot von Ephesos // Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. R.II, Hbd.19. München, 1972. S. 23—45.

⁹ West S. The transmission or the text // A Commentary to a Homer's Odyssey by A. Heubeck, S. West, and J. B. Hainsworth. Vol. I. Oxford, 1988. P. 41.

¹⁰ Erbse, H., Über Aristarchs Iliasausgaben // Hermes 87, 1959. S. 275—303.

возникнуть до изобретения книгопечатания» и что неисторично представлять себе античное издание как результат пословного сличения различных рукописей¹¹. Ф.Монтанари предлагает снять противоречие таким образом: после смерти Аристарха ученики обнародовали его рабочий экземпляр, в котором иногда невозможно было определить окончательное решение филолога (или из-за неясности текста, или из-за колебаний самого Аристарха)¹².

Вопрос о том, были ли источником чтений Аристарха в большей степени традиция или конъектуры, также вызывает разногласия. Если в XIX в. господствовала, в значительной степени благодаря К.Лерсу, первая точка зрения, то в XX более распространена вторая. Например, это мнение разделяют авторы кембриджского комментария к «Илиаде» Дж.С.Кёрк и Р.Джанко. «В целом, — пишет первый из них, — я согласен в ван дер Фальком..., что "чтения Аристарха — почти всегда субъективные и личные догадки" и что "городские издания" — сравнительно недавний продукт эллинистической и, в особенности, александрийской критики»¹³. М.Уэст полагает, что Аристарх не занимался систематическим сличением рукописей. Он указывает, что формулировка αἱ Ἀριστάρχου ἐκδόσεις и подобные ей не принадлежат Аристарху, и атрибуирует их Дидиму. Ему же он приписывает и εὐρομεν в οὕτως δὲ εὐρομεν καὶ ἐν τῇ Μασσαλιωτικῇ καὶ Σινωπικῇ καὶ Κυπρία καὶ Ἀντιμαχείῳ καὶ Ἀριστοφανεῖῳ (Sch. ad II.1.423-4) и подобных контекстах¹⁴. Ф.Монтанари призывает примирить обе точки зрения, так как нехватка критериев,

¹¹ van Thiel H. Introduction, // *Homeri Odyssea*, ed. H. van Thiel. Hildesheim—Zürich—New York, 1991. P. XXVIII.

¹² Montanari F. *Alexandrian Homeric Philology. The Form of the Ekdosis and the Variiae Lectiones* // *Epea pteroenta. Festschrift für Wolfgang Kullmann zum 75. Geburtstag*. Stuttgart, 2002. S.119—135.

¹³ Kirk G.S. Introduction // *The Iliad: A Commentary*, General Editor G.S.Kirk. Vol. I. Cambridge, 1985. P. 43. Janko R. *Op. cit.* P. 24—25.

¹⁴ West [M.L. Response] on Rengakos (BMCR 2002.11.15) and Nagy (Gnomon 75, 2003 481-501) // *Bryn Mawr Classical Review* 2004.04.17. — <<http://ccat.sas.upenn.edu/bmcr/2004/2004-04-17.html>>

позволяющих «систематически различить, что является конъектурой, а что — разночтением, ни в коем случае не означает, что одной из этих двух групп не существует»¹⁵.

Что касается «вертикальных» вариантов в издании (изданиях?) Аристарха, то они, как доказывают Дж.Боллинг и М.Апторп, по мнению большинства исследователей, диктуются традицией¹⁶. «Критерии аристарховых пропусков явно документальны, — утверждает Р.Джанко, — если стих был хорошо засвидетельствован, но вызывал сомнение по внутренним причинам, он, наоборот, атетировал этот стих»¹⁷. Необходимо обратить внимание на сложное соотношение этого последнего тезиса с утверждением о том, что «горизонтальные» чтения оказываются преимущественно конъектурами. С аналогичным парадоксом мы сталкиваемся, изучая влияние Аристарха на традицию: с одной стороны, только 30% его чтений попадает в вульгату, с другой, именно к моменту конца его деятельности в папирусных отрывках происходит заметная стандартизация. Таким образом, имеющиеся свидетельства указывают на то, что Аристарх в одних отношениях повлиял, в других — не повлиял на судьбу гомеровского текста.

Какое бы толкование ни давать этой сложной совокупности фактов, следует признать, что наши знания о практике александрийских филологов во многом неполны и нуждаются в новых исследованиях; кроме того, подтверждается правильность предположения, что варианты следует делить на группы по объему.

Опыт такого разделения предпринимается в *ГЛАВЕ II*, которая посвящена метрическим разночтениям александрийцев в узком смысле слова. Несмотря на скепсис некоторых исследователей относительно метрического критерия в практике александрийцев, схолии свидетельствуют в пользу того, что этот

¹⁵ Montanari F. Op. cit. P. 128. См. также Pfeiffer R. Op. cit. P. 188—189.

¹⁶ Apthorp M. J. The Manuscript Evidence for Interpolation in Homer. Heidelberg, 1980. P. 2. Bolling G. M. The Athetized Lines of the Iliad. Baltimore, 1944. P.44—45.

¹⁷ Janko R., Op.cit. P. 27.

критерий использовался. В них сохранились следы метрической терминологии, а именно классификация стихов с кратким на месте долгого (ἀκέφαλος, λαγαρός, μείουρος). По различным косвенным данным можно предположить, что эта классификация начала формироваться не позднее I в. по Р.Х., а, возможно, уже в александрийскую эпоху. Кроме того, в схолиях употребляется термин ἄμετρος (и ἀμέτρως) в значении «неметрический», «метрически неверный»¹⁸.

Есть все основания предполагать, что он принадлежит Аристарху, так как все контексты с таким значением характеризуют Зенодота, главным оппонентом которого был именно Аристарх. Прямая цитата из последнего с изложением метрической проблематики приводится Дидимом в схолии к II.11.441 (τὸ μὲν γὰρ μέτρον οὐκ ἂν δόξαι βλάπτεσθαι). В этом фрагменте соплагаются элизия и внешняя синекфоне́за (например, в βουκόλῃ ἐπεὶ οὐτε κακῶ¹⁹), причем последняя не рассматривается как метрическая аномалия. В обоих случаях филолог допускает *scriptio plena* и называет эти случаи метрически правильными, так как при рецитации лишняя «буква... будет удаляться». Таким образом, данные схолиев свидетельствуют о том, что метрические проблемы занимали как александрийских филологов (во всяком случае, Аристарха), так и ближайшую к ним по времени традицию. Метрически трудные стихи Гомера александрийцы пытались не столько исправлять, сколько классифицировать.

Филологический метод, используемый всеми тремя героями данной работы, не препятствует некоторой тенденциозности при выборе

¹⁸ На 4 случая употребления ἄμετρος/ἀμέτρως в схолиях к «Илиаде» в обычном значении (Sch. ad 5.806, 11.354, 16.203 и 18.230) приходится 6 примеров в значении «неметрический» (Sch. ad 2.520, 2.634, 2.658, 5.638, 18.222, 20.484). Если первые употребления сосредоточены в экзегетических схолиях, то вторые встречаются исключительно во фрагментах из работы Аристоника.

¹⁹ Этот пример (Od.20.227) приводится как Аристархом, так и Гепестионом, что может служить доказательством прямой преемственности метрических идей первого у второго.

дактилических или спондеических вариантов. Действительно, и у Зенодота, и у Аристофана, и у Аристарха в метрических разночтениях спондеи встречаются вдвое чаще, чем дактили, но только в малых вариантах. Большие и, тем более, вертикальные разночтения александрийцев лишены какой бы то ни было закономерности в этом отношении.

Предпочтение спондеических вариантов в гомеровском гекзаметре сложным образом соотносится с метрической практикой александрийских поэтов. С одной стороны, в эллинистической поэзии было заметно меньше спондеев, чем у Гомера (включая гимны) и Гесиода, то есть можно говорить об обратном соотношении. С другой стороны, особенно много метрических вариантов наблюдаем в четвертой стопе, трактовка которой александрийскими поэтами в наибольшей степени отличается от гомеровского эпоса.

В тщательно проработанных гекзаметрах эллинистического времени мы почти не встречаем метрических аномалий; тем важнее уточнить отношение к подобным явлениям александрийских филологов. Ряд чтений Зенодота Аристарх характеризует как метрически неверные, при этом варианты Зенодота далеко не всегда отличаются аномальностью. Действительно, из 20 рассмотренных чтений, содержащих метрическую трудность, в половине случаев Зенодот дает *lectio facilior* по сравнению с вульгатой. Более того, ряд вариантов, названных в схолиях «аметричными», при ближайшем рассмотрении оказываются вполне закономерными.

Важным для системы аргументации реферируемой работы является пример стихов II.5.263 и II.5.323 (Αἰνεῖαο δ' ἐπαῖξαι... и Αἰνεῖαο δ' ἐπαῖξας...). В обоих случаях филолог, согласно Аристонику, читает Αἰνεῖω, что из-за нехватки краткого слога расценивается как испорченное место²⁰. Тем не менее, этот вариант можно трактовать и как совершенно закономерный, не прибегая к конъектурам: достаточно постулировать полное чтение частицы δέ: Αἰνεῖω δέ

²⁰ Г.Эрбсе помечает это место издания схолиев знаком †, а Й.Вакернагель предполагает, что Зенодот читал Αἰνεῖωο (Wackernagel J. *Kleine Schriften*, Göttingen, 1953—1979. S. 1565). Такого же мнения в своем издании придерживается и М.Уэст.

ἐπαΐξαι. Поскольку обозначение элизий в эллинистическую эпоху еще не стало последовательным, слоговое и неслоговое чтения δέ оказываются графически тождественными. Таким образом вариант Зенодота не является метрических аномальным. Столкновение двух ε на границе слова вполне обычно у Гомера, причем не только в тех случаях, когда в исторической перспективе их разделял согласный: ἦ τοιόσδε ἐὼν ἐν ποντοπόροισι νέεσσι (Π.3.46).

Более того, чтение Αἰνεῖω δὲ ἐπαΐξαι может рассматриваться как пример двойной метрической правки. Во-первых, оно лишено элизии, а, как будет показано ниже, это метрико-просодическое явление нередко избегалось александрийскими филологами. Во-вторых, в чтении вульгаты стихи Π.5.263 и Π.5.323 из закономерных цезур имеют только семиполовинную, что крайне редко встречается в греческом гекзамetre. Возможно, вариант Зенодота призван исправить и эту особенность (хотя с современных позиций едва ли можно считать колометрическим словораздел между полнозначным словом и энклитикой).

Этот случай, когда правка Зенодота признается ошибочной, несмотря на возможность метрически правильной интерпретации, не единичен. Несколько таких чтений Аристарх, как говорилось выше, называет ἄμετροι (напр., к Π.2.520 и к Π.18.222), хотя они в метрическом отношении не отходят от гомеровского узуса. Естественно предположить, что и другие, действительно аномальные, чтения Зенодота следует толковать «доброжелательно», то есть исходя из презумпции существования метрически правильной их интерпретации. Так, вариант Зенодота к Π.2.658 Ἦρακλεΐη вместо Ἦρακληεΐη, представляется аномальным, но если обратить внимание на то, что во времена Зенодота η выглядело как ΗΙ, можно предложить метрически безупречное 6-сложное чтение Ἦρακλεΐηι.

Главное препятствие для такой интерпретации — схолий к Π.5.638: ὅτι τὸ οἶον ἐπὶ θαυμασμοῦ. τινὲς δὲ ἄλλοῖον παρὰ τοὺς νῦν. Ζηνόδοτος δὲ καὶ ἀμέτρως γράφει Ἦρακλεΐην. Чтобы объяснить метрику этой последней формы требуются неочевидные конъектуры, так что данный схолий оказывается

существенным свидетельством «аметричности» Зенодота. Однако у процитированного схолия есть одна особенность: он содержит указание на ошибку Зенодота в конце, а остальные подобные — в начале²¹. Это, казалось бы, незначительное обстоятельство может оказаться очень существенным для выяснения истории этого схолия.

Все перечисленные в прим. 16 схолии с ἄμετρος/ἀμέτρως в значении «метрически неверный» восходят к Аристонику, который в своей работе «О знаках» комментирует пометы александрийских филологов. Очевидно, там, где этим знаком была διπλὴ περιεστῆμενη — знак несогласия Аристарха с Зенодотом, — суть несогласия должна была бы излагаться после начального ὅτι. Поскольку в схолии к П.5.638 это не так, можно предположить, что знак в данном случае был другим, а замечание о Зенодоте лишь дополняло основной комментарий. Если это так, то слова Ζηνόδοτος δὲ καὶ ἀμέτρως γράφει Ἦρακλεΐην можно рассматривать как видоизмененный полемический выпад против варианта к П.2.658, который реконструируется примерно так: «если в П.2.658 Зенодот читает Ἦρακλεΐη, то в П.5.638 придется читать Ἦρακλεΐην, а это метрически неверно». Если согласиться с предложенной интерпретацией варианта Ἦρακλεΐην как не принадлежащего Зенодоту, окажется, что все чтения последнего, связанные с метрическими аномалиями, или оказываются более «правильными», чем вульгата, или содержат «вольности», встречающиеся у Гомера.

Аристофан и Аристарх в своих чтениях строже относятся к метрическим аномалиям. У первого аномальные чтения не встречаются вовсе, и этот факт связан не только с тем, что от Аристофана сохранилось сравнительно немного вариантов. Второй же в нескольких случаях вводит синизесу, полагая, очевидно, эту метрико-просодическую особенность вполне допустимой, но

²¹ Полный список строк, в схолиях к которым Аристарх указывает на метрические неправильности Зенодота с помощью термина ἄμετρος/ἀμέτρως, таков: П.2.520, П.2.634, П.2.658, П.5.638, П.18.222 и П.20.484.

исправляет другие «ошибки» вульгаты: аномальную краткость в П.12.218, аномальную долготу в П.13.541, удаляет «лишний» слог в П.15.445.

Важнейшей составляющей метрической структуры гекзаметра являются словоразделы: как образующие колометрическое членение стиха (цезуры, диэрезы), так и «запрещенные» (мосты). Изучению этого материала посвящена **ГЛАВА III** реферируемой работы. Важность срединной цезуры для гекзаметрического стиха отмечал еще Варрон²², однако сохранность и полнота нашей метрической традиции такова, что первые списки цезур данного размера относятся к III-IV в. по Р.Х. Кроме словоразделов пятиполовинного, κατὰ τρίτον τροχῶν и семиполовинного в греческом трактате Аристида Квинтиллиана и в латинском сочинении Теренциана Мавра упоминается также цезура после четвертого трохея²³. Это удивительно, так как именно словораздел после четвертого трохея, как показал в 1805 г. Готфрид Германн²⁴, у Гомера встречается исключительно редко, а у многих позднейших поэтов — никогда. Теренциану Мавру даже пришлось придумать специальный пример, в котором бы присутствовал словораздел в мосте Германна и отсутствовали бы все закономерные цезуры гекзаметра²⁵. Этот же стих используется в более поздних метрических трактатах.

Не исключено, что появление запрещенного словораздела в списке обязательных может объясняться применением колометрической терминологии для деривационной метрической теории. Согласно Ю.Леонхарду, предлагающему такое объяснение, «в этой системе и у цезуры после четвертого трохея есть свое осмысленное место, так как здесь идет речь не о статистике

²² Aulus Gellius. Noctes Atticae. XVIII, 15.

²³ Aristides Quintilianus. De Musica I, 24; Terentianus Maurus. De Metris, 1695 seqq.

²⁴ Hermann G. De aetate scriptoris Argonauticarum dissertatio // Orphica, ed. G. Hermann. 1805. P. 692 sqq.

²⁵ Возможно, Теренциан откуда-то позаимствовал этот пример (см. Fragmenta poetarum Romanorum, coll. Aem. Baehrens. Lipsiae, 1886. P. 389).

концов слов»²⁶. Впрочем, у этой интерпретации есть слабое место: колон, аналогичный последовательности до четвертого трохея, подается в деривационном разделе как усеченный с начала, а не с конца.

Интересно, что аналогичный пример имеется у Горация (*Ars poetica* 263): *non quivis videt inmodulata | poemata iudex*. Здесь поэт пишет о вольностях в римской поэзии по сравнению с греческой и призывает ориентироваться на последнюю, приводя в качестве примера аномальный латинский стих. Как справедливо замечает по этому поводу А.Е.Кузнецов, «цезура, нарушающая мост Германна, есть единственный способ колометрического деления этого стиха»²⁷. Естественно предположить, что Гораций был знаком с метрическими сочинениями, затрагивавшими колометрическую проблематику, и, вероятно, эти сочинения были связаны с александрийской филологической традицией²⁸.

Несмотря на появление моста Германна в списке цезур, античное описание колометрии гекзаметра не теряет ценности при сравнении с некоторыми теориями нового времени. Интересная гипотеза Г.Френкеля о четырех колонах в героическом стихе²⁹, как показано в реферируемой работе, не дает убедительного результата. Она вызывает ряд вопросов как в методологическом отношении, так и применительно к самому гомеровскому материалу. Кроме того, специально предпринятое исследование элизий показало, что они особым образом используются в традиционных цезурах, в отличие от «новых», предложенных Г.Френкелем. Действительно, в обеих

²⁶ Leonhardt J. Die beiden metrischen Systeme des Altertums // *Hermes*, 117. 1989. S. 58. См. также: Cignolo C. *Commento. // Terentiani Mauri De litteris, de syllabis, de metris*. Hildesheim—Zürich—New York, 2002. Т. II. P. 476.

²⁷ Кузнецов А.Е. *Латинская метрика*, Тула, 2006. С. 209.

²⁸ Заманчиво было бы предположить, что исключительную редкость словораздела после четвертого трохея заметили еще александрийские филологи, и в этом качестве мост Германна стал известен Горацию. Однако надо признать, что скудные имеющиеся данные не позволяют сколько-нибудь убедительно аргументировать это предположение.

²⁹ Fränkel H. *Wege und Formen frühgriechischen Denkens*. München, 1955. S. 100—156.

цезурах третьей стопы элизия исключительно редка³⁰; во втором полустишии она встречается вдвое чаще, чем в этих цезурах, а в первом полустишии — вдвое чаще, чем во втором. Таким образом, распределение элизий в гомеровском гекзаметре поддерживает традиционную античную классификацию цезур и противоречит гипотезе Г.Френкеля.

Еще менее убедительной кажется модификация четырехчастной колометрии, предложенная Г.Н.Портером³¹. Претендуя на «положительное описание гекзаметра, которое может быть проиллюстрировано каждой строкой и не основывается на перечне исключений», исследователь «выносит за скобки» 30% гомеровских стихов, тогда как традиционная античная концепция описывает все греческие гекзаметры без исключения. Таким образом, основная проблема концепций Г.Френкеля и Г.Н.Портера, по точной формулировке Дж.С.Кёрка, состоит в поиске «детальных формальных правил, которые попросту не присущи тексту, и, пожалуй, в этом прежде всего стоит винить сам «идеальный» 4-колонный стих»³². Античное же описание цезур в целом показывает свою надежность и адекватность материалу.

Раз так, естественно предположить, что среди вариантов александрийских филологов лишь немногие будут затрагивать цезуру, так как фактически отсутствуют строки, нуждающиеся в исправлении. Это предположение верно, но все же имеются отдельные случаи, подобных обсуждавшимся стихам II.5.263 и II.5.323 в чтении Зенодота. Он же дает стих II.17.582, где в варианте вульгаты имеется только семиполовинная цезура, со словоразделом в третьей стопе. Рассматривается чтение Аристарха к II.9.78: διὰ ραίσεε вместо διαρραίσεε в середине стиха. Возможно, филолог видит здесь тмесис с удлинением в

³⁰ Все эти данные исходят из доли словоразделов с элизией от общего количества словоразделов. Так, в «Илиаде» пятиполовинная цезура содержит элизию в 4% случаев, а словораздел после первого слога — в 35% (что составляет 2065 случаев из 5912 строк, начинающихся с односложного слова).

³¹ Porter H.N., The early Greek Hexameter // Yale Classical Studies XII. 1951. P. 3—63.

³² Kirk G.S. The structural elements of Homeric verse // The Iliad: a Commentary. Vol. I, Books 1—4. Cambridge, 1985. P. 20.

получившейся цезуре. Интересно, что значительная часть гомеровских примеров с одной семиполовинной цезурой содержит приставку именно в этой метрической позиции, а у Квинта Смирнского таким свойством обладает весь корпус аналогичных примеров. Таковы же почти все строки «Энеиды» Вергилия с одной семиполовинной цезурой³³.

Анализ «запрещенных» словоразделов гекзаметра дает еще более интересные результаты, чем рассмотрение цезур. Здесь важную роль играет обсуждавшийся выше методологический принцип, согласно которому чтения александрийцев следует сравнивать прежде всего с вариантами вульгаты. Если не сделать этого, то окажется, что Зенодот, Аристарх и Геродиан иногда допускают словораздел в мосте Германна, а иногда исправляют его. Сравнение же с вульгатой показывает: александрийцы допускали словораздел после четвертого трохея только в том случае, если он был в вульгате, то есть, очевидно, следуя традиции. Сами же они никогда не предлагали вариантов со словоразделом в этой позиции. Единственным нарушителем моста Германна вопреки вульгате из всех упоминавшихся в схолиях филологов оказывается Деметрий Иксион, который принадлежит к конкурирующей с александрийцами аномалистической школе. Интересно, что из 77 несомненных словоразделов после четвертого трохея примерно десятая часть (не считая аналогичных случаев) сопровождается исправлениями в схолиях, причем почти все они — «малые» варианты, что указывает на особую роль таких чтений в александрийской текстологической практике.

ГЛАВА IV реферируемого сочинения посвящена элизии, которая рассматривается как особое метрико-просодическое явление. Правомерность такого подхода доказывается тем, что распределение элизий в гекзаметре тесно связано со внутренней структурой этого размера. Так, элизии отсутствуют в

³³ Lachmann K. In T. Lucretii Cari *De rerum natura* libros Commentarius. Berolini, 1866. P. 412—414. Полную статистику см.: Литвинов Д.А. Перспективы применения статистического метода и компьютерной техники для атрибуции и датировки латинских гекзаметрических сочинений. Дипломная работа М., 1997. С.53—54.

стихоразделе, крайне редки перед ним и в цезуре, очень частотны в начале полустихий.

В историческом плане оказывается, что частотность элизий со временем постоянно снижалась. В «Илиаде» и «Одиссее» элизии встречаются в среднем 73 раза на сто стихов; в Гомеровых гимнах и у Гесиода уже несколько реже. У александрийских и позднеантичных поэтов элизий еще меньше (от 61 до 39), за исключением Квинта Смирнского, который в этом отношении подобен Гесиоду. Нонн Панополитанский допускает не более 10 элизий на сто строк. Эти тенденции, согласующиеся с эволюцией гекзаметра в целом, также подтверждают правомерность рассмотрения элизии в метрическом контексте.

Несмотря на кажущуюся второстепенность рассматриваемого явления, мест, где чтение александрийских филологов отличается элизией от какого-то другого варианта, немало. Так, у Зенодота мы встречаем 70 таких случаев, у Аристарха — 133. Впрочем, часть этих чтений совпадает с вульгатой, и по описанному выше принципу они исключаются из анализа, так как нет уверенности, что альтернативные варианты были известны александрийцам. Методология, основанная на составлении полного перечня всех примеров, при последующем исключении тех, которые не соответствуют избранным критериям, играет важную роль в реферируемом сочинении. Она позволяет убедиться в правильности подбора материала и допускает перепроверку. Интересно, что и рассмотренные варианты Аристарха, и исключенные из анализа показывают одну и ту же закономерность: в обоих случаях филолог вдвое чаще выбирает чтение без элизии, чем наоборот.

Зенодот также в целом предпочитает чтения без элизии, хотя нередко делает и обратное. В корпусе примеров просматривается закономерность: чем больше объем замены, тем меньше Зенодот склонен удалять элизии. Так, в группе разночтений, в которых вариантам типа ἔμ' αὐτὸν противостоит ἐμωυτόν (II. 1.271 и т.п.), Зенодот всегда предлагает вариант без элизии; подобные разночтения можно было бы назвать минимальными, так как они различаются 1 — 2 знаками в современной графике. В других малых вариантах Зенодот иногда

читает элизию, хотя варианты без нее по-прежнему преобладают. Среди больших вариантов элизии преобладают. Так, к стиху II.2.156:

εἰ μὴ Ἀθηναίην Ἴηρη πρὸς μῦθον ἔειπεν

Зенодот предлагает вариант (...λαοσσόος ἦλθ' ἀπ' Ὀλύμπου) с двумя элизиями сразу.

Этот пример показывает, что такие критерии, как элизия, отступают на второй план при рассмотрении заметно различающихся по смыслу разночтений. Чем больше объем разночтения, тем чаще предметом правки оказывается смысл, однако в малых вариантах, которые составляют большинство среди чтений александрийских филологов, смысловые различия минимальны или вовсе отсутствуют. В таких чтениях в большей степени могут проявляться стилистические предпочтения филологов и, как показывает анализ материала, элизия или, точнее, стремление к некоторому уменьшению частотности элизии занимает определенное место среди других метрических аспектов.

Закономерность, замеченная в вариантах Зенодота, подтверждается на материале чтений Аристофана. Из 13 рассмотренных мест только в 3 случаях добавляется элизия; все эти разночтения отличаются от вульгаты незначительно, хотя два из них по формальным соображениям для соблюдения строгой методологии были отнесены к числу больших вариантов.

Аналогична картина в рассмотренных вариантах Аристарха: больших вариантов очень немного, а в малых встречается тем меньше элизий, чем меньше объем разночтения. Так, существенную часть рассмотренного материала составляют чтения Аристарха без аугмента, которые отличаются от вульгаты двумя знаками современной графики, не считая пробела. В вариантах несколько большего объема элизия иногда допускается.

Напрашивается возражение: в первой главе реферируемого труда чтения Аристарха без аугмента после долгой гласной увеличивали количество спондеев, в третьей главе аналогичные варианты после краткой уменьшают число элизий. Может быть, удаление аугмента является единственным

существенным фактором, а элизии и спондеичность — лишь побочными явлениями, которые александрийцы не учитывали? Материал Зенодота и Аристофана противоречит такому объяснению: у обоих предшественников Аристарха мы находим аналогичное предпочтение спондеев и чтений без элизии, но варианты без аугмента не играют у них никакой роли. Более того, Зенодот однажды добавляет приращение для удаления двух элизий, читая ἐκαθ' ἑξέτο вместо κατ' ἄρ' ἑξέτο вульгаты (Π.1.68). Таким образом, комплексное исследование разночтений всех трех филологов свидетельствует о том, что и при различии грамматических резонов метрико-просодические критерии Зенодота, Аристофана и Аристарха были достаточно близки.

Главный итог реферируемой работы отражен в *ЗАКЛЮЧЕНИИ*: не только доказан факт, что в текстологической практике Зенодота, Аристофана и Аристарха используются метрико-просодические критерии, но и вскрыт механизм их использования. Анализ метрически отличных от вульгаты вариантов, принадлежащих александрийским филологам, свидетельствует о том, что они прибегали к критериям этого рода в тем большей степени, чем меньше был объем чтения. В работе показано сравнительное значение различных метрических особенностей для александрийской текстологии, общие черты и различия в практике Зенодота, Аристофана и Аристарха. Метрико-просодические предпочтения александрийских филологов, как показано в работе, тесно связаны с практикой эллинистических и позднеантичных поэтов.

Основные положения диссертации отражены в публикации в журналах, принадлежащих к списку ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК (редакция апрель 2008):

1. К вопросу о колометрии гомеровского гекзаметра // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. М.: Изд-во МГУ, 2007. №5. С. 140—147.

2. К вопросу об «аметричных» чтениях Зенодота в «Илиаде». // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XI. Материалы чтений, посв. памяти профессора И.М.Тронского. СПб.: «Наука», 2007. С. 307—309.
3. Метрически трудные чтения Зенодота: варианты или параллельные места? // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XII. Материалы чтений, посв. памяти профессора И.М.Тронского. СПб.: «Наука», 2008. С. 433—438.

По теме диссертации также имеются следующие публикации:

4. О методологии фоносемантических исследований // *Philologica*, 1998, т. 5, №11—13. С. 311—319.
5. Как читать первую строку «Илиады». // Индоевропейское языкознание и классическая филология — III. Материалы чтений, посв. памяти профессора И.М.Тронского. СПб.: «Наука», 1999. С. 90—92.
6. «Каталог кораблей». Форма и содержание. // *Образ мира — структура и целое. Материалы международной научной конференции «Лосевские чтения».* М., 1999. С. 568—569.
7. Мост Германна и александрийская текстология // Индоевропейское языкознание и классическая филология — 4. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М.Тронского. СПб.: «Наука», 2000. С. 113—115.
8. Гомеровские стихи без цезур и их позднейшая интерпретация // *Noto Valcanicus. Поведенческие сценарии и культурные роли.* М., 2001. С. 15—17.
9. (совместно с В.Л.Цымбурским) Рецензия на монографию Л.С.Клейна «Анатомия Илиады» // *Вестник Древней Истории*, №1, М., 2002. С. 179—190.
10. Запрещенные словоразделы в греческом гекзаметре: традиция и эволюция. // Индоевропейское языкознание и классическая филология — V. Материалы чтений, посв. памяти профессора И.М.Тронского. СПб.: «Наука», 2001. С. 138—140.

11. Целостность «Илиады» в зеркале статистического анализа // Индоевропейское языкознание и классическая филология — VI. Материалы чтений, посв. памяти профессора И.М.Тронского. СПб.: «Наука», 2002. С. 202—207.
12. К вопросу о роли элизии в александрийской текстологии // Индоевропейское языкознание и классическая филология — VII. Материалы чтений, посв. памяти профессора И.М.Тронского. СПб.: «Наука», 2003. С. 109—112.
13. К вопросу о метрических предпочтениях александрийцев // Индоевропейское языкознание и классическая филология — VIII. Материалы чтений, посв. памяти профессора И.М.Тронского. СПб.: «Наука», 2004. С. 273—276.
14. Гомеровские строки без цезуры глазами античных и современных ученых // Индоевропейское языкознание и классическая филология — IX. Материалы чтений, посв. памяти профессора И.М.Тронского. СПб.: «Наука», 2005. С.247—252.
15. Был ли мост Германна открыт еще в античности? // Новый Гермес. М., 2008. № 2. С. 57—64.